Александрина Ваньке

Коллективное тело протеста

Статья посвящена анализу массовых манифестаций годов с помощью концепта «коллективного тела протеста», сопоставляемого в тексте с понятием «Тела без Органов» Делеза и Гваттари. Реконструируются ключевые телесные метафоры и образы тела, которые структурируют опыт участников протестных акций, регулируют их эмоции и упорядочивают коллективные действия. Автор ставит своей целью восстановить смысловые взаимосвязи между ключевыми метафорическими понятиями, уделяя особое внимание их модусу и риторике.

Ключевые слова: телесные метафоры, образы тела, коллективное тело, протест, «За честные выборы».

Alexandrina Vanke. Collective Body of Protest

The paper presents an analysis of the metaphorical concept of collective body of protest which is understood, from the one hand, as multiplicity of collectively acting individual bodies and consciousnesses in situations of protest actions, from the other hand, as multiplicity of intensions and possibilities empowering the civic movement. In the paper the author reconstructs corporal metaphors and body images which demonstrate particularities of contemporary protest culture in Russia, as well as structure cognition of participants of civic rallies, regulate emotions, order collective actions, and provide the opportunity to understand protest experience. Analyzing corporal metaphors, the author aims to recreate semantic interrelations between the key metaphorical concepts paying particular attention to modality and rhetoric.

Keywords: corporal metaphors, body images, collective body, protest movement, 'For fair elections'

Ваньке Александрина Владимировна — кандидат социологических наук, преподаватель социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета. Научные интересы: дискурсивный анализ, исследования тела и коллективных эмоций.

Обсуждение протестов 2011–2013-х годов в России строится во многом вокруг тезиса о конституировании коллективного субъекта [Гавришина, 2012; Бикбов, 2012а, с. 189–190, 204], а вместе с ним и коллективного тела как организованной определенным образом общности: «Вот это „коллективное тело“, которое, может быть, по-разному представляется в разных последних митингах, оно всегда важно» [Гавришина, 2012]. Или: «После митинга на Болотной это [пространство из тел] получило законченный зрительный образ, в плане — шарообразной формы.... Потом было любование человеческой рекой на Якиманке» [Титков, 2012][1].

В подобных дискуссиях нередко проводятся аналогии и различения между митингами и праздниками, протестами и революциями, например: «символические белые ленточки ... сначала ожидалось, что будут носить на улицах, в общественном транспорте и на работе. Этого не произошло. Но на каждое праздничное событие люди достают чистые белые ленточки и идут с ними на праздник» [Титков, 2012]; или «сразу бы хотелось развести или отличить друг от друга современные исторические фильмы, скажем, о Великой французской революции или о XIX веке и фильмы конца 1910-х, 1920–30-х гг., которые работают с ... проблематикой социального движения и протеста» [Гавришина, 2012][2].

Схожесть или отличие митингов и других феноменов, предполагающих утверждение коллективной субъектности, может обосновываться с помощью высказываний, содержательно противоположных, но сходных по понятийным конфигурациям. Наша задача — не подтвердить или опровергнуть гипотезы о наличии или отсутствии подобий между митингами, праздниками и революциями, а понять логику, в которой формулируются такие гипотезы, посредством анализа метафорического понятия «коллективное тело протеста». Мы намерены также реконструировать телесные мета-

1 Зрительной образ «человеческой реки» на шествии в Москве 4 февраля 2012 г. создан, прежде всего, видеозаписями ускоренной съемки РИА «Новости» (например, http://youtu.be/pqgZFZPJdDY) и панорамными фотографиями с верхних этажей домов на Большой Якиманке, где проходило шествие. — *Ред.*

2 Сопоставление митингов и праздников, протестов и революций воспроизводится также в новостных заголовках (например, «На митинг — как на праздник» [Радио Свобода, 2012], или «Алексей Навальный: Мы не хотим „оранжевой революции“...» [Артемов, 2012]), так и в высказываниях публичных интеллектуалов (например, подборка статей второго номера журнала «Логос» за 2012 г. выглядит так: «Коррупция и революция как структурные основания фикции государственного интереса (raison d'État)», «Неуловимая природа революций», «Революция и кризис репрезентации» и др.).

форы и образы тела, возникшие в рамках протестного движения 2011–2013-х годов.

Методология анализа телесных метафор и эмпирическая база исследования

Приближение к пониманию метафоры коллективного тела протеста мы начнем с двух ключевых категорий, используемых в исследованиях по истории понятий: «пространство опыта» и «горизонт ожидания», которые в свою очередь также являются метафорами [Koselleck, 2004, p. 260]. Конкретные семантические поля реальности конституируются конфигурацией обобщенных понятий, находящихся друг с другом в определенных отношениях [Ibid., p. 257]. Бёдекер утверждает, что понятие следует понимать «как категорию, которая концепирует результат познания во взаимосвязи с актом понимания» [Бёдекер, 2010, с. 52], а его отличительной особенностью является многозначность и погруженность в социально-исторический контекст [Там же, с. 43]. Метафоры поддерживают нас там, где понятие еще не сформировалось [Цилл, 2010, с. 169], при этом, по версии Х. Блюменберга [с. 169, 182], граница между понятием и метафорой оказывается недооформленной и подвижной. Метафора в своем изначальном значении представляет собой перенос слова по принципу аналогии [Аристотель, 1998; Цилл, 2010, с. 164], «сдваивание представлений о разных классах объектов» [Арутюнова, 1990, с. 6]. Метафорические понятия устанавливают отношения образности и понятийности [Цилл, 2010, с. 182], они носят ассоциативный характер, отсылают к воображению и укоренены в социальном опыте.

Метафоры не только упорядочивают повседневные действия индивидов, но и структурируют понимание наряду с опытом. Дж. Лакофф и М. Джонсон считают, что «сущность метафоры состоит в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода» [Лакофф, Джонсон 2004, с. 27]. Поскольку концептуальные метафоры имеют когнитивную направленность, они определяют познание индивидов, основанное на их телесном опыте, в этом случае мы можем говорить о метафорических понятиях [Там же, с. 27]. Метафорические понятия являются в этом отношении синонимами телесных метафор, которые Дж. Лакофф и М. Джонсон называют онтологическими метафорами пространства [Там же, с. 54, 55]. Онтологические метафоры отображают части человеческого тела при их переносе на неодушевленные предметы или феномены, например, подножие горы, ножка стула и др. [Gumpel, 1998, p. 54; Lakoff, Johnson, 1980, p. 472].

В случае протестного движения 2011–2013-х годов в России мы имеем дело с такими телесными метафорами и образными выра-

жениями, как «пробуждение гражданского сознания», «рождение гражданского общества», «сдвиг в мышлении страны», «крик души», «все в наших руках», «блеск в глазах», «раскрывать глаза», «плюнуть в лицо» и др. Мы не ограничиваемся изучением текстуальных и вербальных метафор телесности, а рассматриваем также визуальные образы тела. При реконструкции телесных метафор применяется следующая схема: 1) определяется объект метафоры; 2) рассматриваются семантические и риторические аспекты метафоры как поля смысловых и эмоциональных значений; 3) восстанавливается конкретная эмпирическая ситуация, представляющая социальный контекст метафоры.

Эмпирические материалы, составляющие основу исследования, включают в себя уличные интервью, собранные участниками Независимой исследовательской инициативы (НИИ митингов) в период с 24 декабря 2011 г. по 9 сентября 2013 г[1], а также интервью, собранные М. Габовичем на шествии и митинге в Москве 6 марта 2012 г[2]. Мы располагаем также дневниками включенного наблюдения участников НИИ митингов (12 дневников объемом до 29 страниц), по мере необходимости обращаемся к материалам СМИ, сообщениям в блогах и социальных сетях. Наконец, при анализе визуальных телесных образов используются плакаты митингующих и графика художницы Виктории Ломаско.

Поскольку мы имеем дело с несколькими типами эмпирических данных, нам предстоит анализировать телесные метафоры в высказываниях различных модусов. Во-первых, это речевые и диалогические высказывания, полученные в ходе интервью, т. е. коммуни-

1 Всего участники НИИ митингов провели более 550 интервью (307 из них обработаны и занесены в таблицы каталогизации) продолжительностью от 18 с до 89 мин. Интервью проводились на митингах и шествиях в Москве (протестные митинги и шествия 24 декабря 2011 г., 4 февраля, 5 марта, 10 марта, 6 мая, 12 июня 12 сентября, 15 декабря 2012 г., 10 января и 6 мая 2013 г., митинги в поддержку Путина 23 февраля и 4 марта 2012 г., митинг в поддержку Навального 9 сентября 2013 г.) и Париже (митинг 24 декабря 2011 г.), во время уличных протестных лагерей (Оккупай Абай, Оккупай Арбат, Оккупай Баррикадная в Москве, Оккупай Исакиевский в Санкт-Петербурге с 9 по 28 мая 2012 г.) и выборов в Координационный совет оппозиции (Москва, 20–21 октября 2012 г.). В сборе и обработке уличных интервью в рамках НИИ митингов в разное время принимали участие А. Амерханов, А. Бикбов, А. Ваньке, К. Винькова, А. Григорьева, С. Ерпылева, А. Кальк, К. Клеман, Г. Коновалов, Э. Кульчицкая, П. Митенко, О. Николаева, М. Петрухина, Е. Соколов, И. Суркичанова, А. Сысоев, Д. Тайлаков, Е. Тарновская, А. Тропин, А. Фудин, Д. Шафрина (Список приводится по: [Бикбов, 2012б]).

2 Автор благодарит М. Габовича, который любезно предоставил шесть интервью с московского митинга.

кативных взаимодействий лицом к лицу между исследователями и митингующими на массовых акциях; о диалогических высказываниях см. [Бахтин, 1997, с. 197, 209, 210]. Во-вторых, перформативные высказывания, при которых индивиды, говоря об определенных действиях, одновременно совершают их [Остин, 2006, с. 264]. Перформативные действия, демонстрируемые и проговариваемые в реальном режиме митинга, зафиксированы в дневниках включенного наблюдения, а также с помощью видео- и фотокамеры. В-третьих, исследуются текстуальные высказывания из СМИ, блогов и социальных сетей, служащие источником медийно- и компьютерно-опосредованной коммуникации [Ваньке, Ксенофонтова, Тартаковская, 2014]. В-четвертых, рассматриваются визуальные изображения, к которым относятся плакаты манифестантов и фотографии исследователей, журналистов, блогеров наряду с графическими репортажами профессиональной художницы.

Из эмпирического материала отобраны высказывания, содержащие телесные метафоры, образы тела и отсылки к телесному опыту митингующих. Всего отобрана 171 единица анализа, из них 49 текстовых (38 интервью, 8 сообщений в Интернете, 3 дневника включенного наблюдения) и 122 визуальных (22 фотографии, в том числе авторские; 46 плакатов из книги «Азбука протеста» [2012]; 54 рисунка Виктории Ломаско). По мере необходимости привлекались цитаты интервью, не относящиеся к теме телесности.

Коллективное тело протеста: множество интенсивностей и возможностей

Описывая коллективную телесность в моменты праздников и карнавальных шествий в средневековой Европе, М. Бахтин говорит, что «материально-телесные образы имеют своим носителем, своим субъектом, коллективное народное тело» [Бахтин, 2008, с. 29], что пересекается с логикой современных дискуссий о протесте. Бахтин рассматривает карнавальную толпу, заполняющую городские площади и улицы, как определенным образом организованное народное целое, которое выставляет себя на всеобщее обозрение и в момент своего утверждения отменяет господствующие политические и социально-экономические формы упорядочивания жизни [Там же, с. 251]. По М. Бахтину, «праздничная организация народа прежде всего глубоко конкретна и чувственна. Даже самая теснота, самый физический контакт тел получает некоторое значение. Индивид ощущает себя неотрывной частью коллектива, членом массового народного тела». Другими словами, для М. Бахтина коллективное тело в процессе своего становления проникнуто коллективной чувственностью, основанной на ощущении всеобщего единства.

Магун и Журавлев [2012] полагают, что «человек, вышедший на площадь, оказывается в непривычной роли маленького тела в большой толпе». Такое утверждение будет неверным в логике М. Бахтина, считающего, что «индивид ощущает себя неотрывной частью коллектива, членом массового народного тела. В этом целом индивидуальное тело до известной степени перестает быть самим собой: можно как бы обмениваться друг с другом телами...» [с. 251]. Другими словами, в рассуждениях о принадлежности к коллективному телу следует говорить не о «роли маленького тела в большой толпе», а о запуске аффектива, о чувственном «растворении» как об отказе от привычных, устоявшихся к моменту массового действия идентичностей. Наш тезис в какой-то мере подтверждается ответами митингующих на вопрос интервьюеров НИИ митингов: «К какому социальному слою, группе или классу вы себя относите?»

Типичные ответы:

«Я противник деления людей на классы». [респондент 1]

«В современной России достаточно сложно отнести себя к какому-то классу». [респондент 2]

«Не приходило в голову». [респондент 3]

«Не знаю.... Все мы относимся к какой-то социальной группе. Но не могу точно определить, зависит от классификации». [респондент 4][1]

Кроме того, одной из особенностей протестного движения в России является его множественный характер, выраженный как в разнородном социальном составе митингующих, так и в многообразии их взглядов и предпочтений. На вопрос «Что вам нравится и не нравится на митинге?» отвечают, как правило, следующее:

«Нравится, что... разносторонность взглядов, разный возрастной состав...». [респондент 7];

«Нравится, что пришло очень много людей совершенно разных возрастов, разных поколений, разных, судя по всему, социальных сфер, много молодежи и пожилые люди». [респондент 8];

1 Магун и Журавлев считают также, что участники протестных митингов «охотнее» описывают себя как «народ», т. е. через понятие, отсылающее к «национальному единству», с одной стороны, и к «безвластному простонародью» — с другой [Магун, Журавлев, 2012]. Высказывания о «народе» действительно встречаются в высказываниях митингующих, однако участники протестов, отождествляют себя скорее с «элитой», чем с «простонародьем», например: «Сегодня выходит не „оппозиция“. Сегодня выходит — народ. Та его часть, которая наделена чувством справедливости (сокращенно совесть). Настоящая элита страны» [Епиходов, 2011]; или же используют понятие «народ» как собирательный образ без соотнесения с собой: *«А я смотрю, народ пришел, он себя пассивно ведет»* [респондент 5] или *«Народу, конечно, много, поэтому тяжело было добраться, пройти»* [респондент 6].

«Мне нравится массовость этих митингов. Мне нравится, что в это митинговое движение вливаются все новые и новые социальные ряды, партийные ряды, что люди независимо от того, какой они политической..., социальной принадлежности, все идут в одном марше». [респондент 9].

Отказ митингующих от закрепленной и неизменной идентичности, их симпатия к разнообразию взглядов внутри движения позволяет говорить о множестве как «форме общественного и политического существования многих в качестве многих» [Вирно, 2013, с. 10]. Объединение индивидов в дифференцированное множество оказывается возможным благодаря их способности чувствовать и воспринимать, говорить и обмениваться потенциально бесконечным числом высказываний [Там же, с 91]. Рассматривая человеческое тело, неотделимое от сознания, а также смысл, который возникает в точках пересекающихся взаимодействий одного тела (и сознания) с телами (и сознаниями) других, мы обращаемся к феноменологии М. Мерло-Понти [1999, с. 135]: «Быть сознанием или, точнее, быть опытом — значит внутренне сообщаться с миром, телом и другими, быть вместе, а не рядом с ними». Другими словами, речь идет о некоторой интенции, направленности одного сознания на другое, одного тела на другое, которая означает, что тел всегда больше, чем одно [Manning, 2010, p. 118; Seyfert, 2012, p. 34]. Тело множится и представляет собой изменчивый ансамбль, тело есть коллектив [Manning 2010, p. 118, 125]. Процесс интерсубъективного и межтелесного взаимодействия запускает эмоциональные механизмы, а коллективные эмоции, переживаемые участниками митингов, создают условия (и вместе с тем становятся результатом) существования подвижного множества как «коллективного тела протеста» со своей эмоциональной тональностью [Вирно, 2013, с. 103–104]. Похожее представление о коллективном «политическом теле» обнаруживается в тексте А. Пензина, участника митинга на Болотной площади 10 декабря 2011 г.: *«материализовавшееся на глазах социальное и политическое тело стало также телом активным, кричащим, сопротивляющимся, атакующим, самоорганизующимся.... От размеров, силы, интеллектуальных способностей и организации этого коллективного политического тела, состоящего из множества наших индивидуальных физических тел, выходящих на улицы, зависит то, чем станет наша реальность в самое ближайшее время»* [Пензин, 2011]. Коллективное тело протеста описывается в своем становлении и в проявлении аффективных способностей, которые оказываются возможными при взаимодействии лицом к лицу [Seyfert, 2012, p. 32]. Коллективное тело способно преобразовывать социальную реальность, находящуюся внутри самих митингующих и за пределами их тел и сознаний [Manning, 2010, p. 122]. Согласно Э. Мэннинг, одно тело представляет собой комплекс имманентной коллективности, оно сообщает интенцию другим телам, поскольку множится в фазах своего становления

[Manning, 2010, p. 118]. Коллективное тело возникает посредством силы жизни, которая выражается как множественность [p. 120]. Тело есть коллектив, а коллектив как сила существования в своей множественности состоит из пересекающихся пространств [p. 123, 125].

Высказанные тезисы иллюстрирует текст О. Саркисян, участницы митинга 10 декабря 2011 г.: *«Вот идет много-много людей, и из них возникает огромное существо. Могучий дух леса, или могучий дух гор, или Могучий дух Болотной площади. Воплощение могучего духа — фотография Ильи Варламова, сделанная при помощи управляемой модели самолета, к которой прикреплена фотокамера....Оно и тело, и дух, оно ощетинилось шпилями московских башен, у него огромные глаза — река в обрамлении человеческих потоков. На фотографии Ильи Варламова у этого мифического существа гражданского общества... над надбровными дугами, прямо посередине, в месте, где должен располагаться третий глаз, обнаруживается ... памятник Илье Репину.... Появление (рождение) тела гражданского общества сопровождается белыми лентами митингующих... и белыми цветами в руках полицейских. Все говорят о всеобщей любви и Снежной революции. Но это не „ветер на всем белом свете", это праздник рождения, нового года, весны, в общем, нечто незабываемое и восхитительное для всего белого света...»* [Саркисян, 2011].

Рис. 1. Митинг на Болотной площади. Москва, 10.12.2011. Автор: Илья Варламов[1].

1 Фотография взята из живого журнала Ильи Варламова (http://zyalt.livejournal.com/492 874.html).

Приведенное высказывание содержит в себе метафору коллективного тела как огромного мифологического существа, возникающего из множества индивидуальных тел-сознаний, обладающего духом свободы. Здесь же мы обнаруживаем метафору зарождения чего-то нового, образ гражданского общества как новорожденного тела, состоящего не только из множества индивидуальных тел, но и материальных объектов: белых лент, цветов, башен, памятников и других зданий. Описание того, как памятник Репину превращается в третий глаз, шпили кремлевских башен — в щетину, а река в обрамлении человеческих потоков — в глаза, напоминает Тело без Органов в определении Ж. Делёза и Ф. Гваттари. Мы имеем дело с «материей, занимающей пространство в той или иной степени, какая соответствует произведенным интенсивностям» [2010, с. 254][1]. Понятие Тела без Органов, согласно Т. Джордану, наилучшим образом «улавливает» природу коллективного тела [Jordan, 1995, p. 125]. Тело без Органов — это коллективное тело, которое производится общим эмоционально-аффективным состоянием, переживаемым множеством человеческих и неодушевленных тел [p. 130]. Тело без Органов порождает серии различий и запускает машину желания [Jordan, 1995, p. 25]. Оно состоит из интенсивностей, которые происходят и циркулируют подобно движению микроскопических частиц. В высказывании О. Саркисян мы обнаруживаем такие интенсивные чувства: *«всеобщая любовь»*, *«восхищение»*, ранее по тексту — *«восторг»* и *«удивление»*. Коллективному телу протеста присущи целостность и единство, но это всего лишь целостность и единство образа. Коллективное тело протеста как метафорическое Тело без Органов становится видимым, материализуется и превращается в сферу, что мы и видим на фотографии Ильи Варламова (рис. 1).

Метафорическое понятие «коллективное тело протеста» проясняют несколько цитат из дневников включенного наблюдения, сделанных участниками НИИ митингов 24 декабря 2011 г. после митинга на проспекте Сахарова:

«нескончаемый поток людей, частью которого начинал себя ощущать еще за несколько станций до „Красных ворот“, и затем постоянно циркулировавший на проспекте и в его окрестностях. Людей абсолютно разных и вызывавших у меня симпатию» (Александр Фудин, полевой дневник, 24.12.2011).

«Это было похоже на единый поток эмоций. Сложно сказать, как эти эмоции называются, что-то вроде: человек поработал хорошо, произвел какой-то полезный и важный продукт, устал и от этого у него приятные

1 «Тело без Органов является всем этим — необходимо Место, необходим План, необходим Коллектив, собирающий элементы, вещи, растения, животных, инструменты, людей, могущества и фрагменты всего этого» [Делёз, Гваттари, 2010, с. 268].

ощущения. Примерно таким общим эмоциональным потоком были заряжены люди» (полевой дневник автора, 24.12.2011).

Множественное тело митинга и ощущение принадлежности к нему начинает формироваться, как видно из дневника А. Фудина, уже на прилегающих к проспекту Сахарова станциях метро до того, как митингующие достигают основного места события. *«Нескончаемый поток людей»* и *«единый поток эмоций»* как образы, передающие эмоциональное ощущение неопределенности, безграничности и интенсивности, пересекаются с метафорами *«человеческой реки»* и *«человеческих потоков»*. По Ж. Делезу и Ф. Гваттари, «органы распределяются на Теле без Органов... органы... являются не более чем произведенными интенсивностями, потоками, порогами, градиентами. „Некий живот", «некий глаз», «некий рот» — неопределенный артикль не испытывает ни в чем нехватки.., он выражает чистую определенность интенсивности, интенсивное различие» [Делёз, Гваттари, 2010, с. 273]. Коллективное тело протеста, с одной стороны, обладает целостностью и единством воображаемого визуального образа, с другой — выступает Телом без Органов, органы которого отделены от тела и распределены на нем без какого-либо устойчивого порядка. Такой подход позволяет нам перейти к рассмотрению телесных метафор, характеризующих чувства митингующих и фиксирующих отдельные элементы коллективного тела протеста.

Телесные метафоры: смыслообразующие элементы протеста

Сознание

Поскольку сознание непосредственно относится к телу, связано с ним чувствами восприятия [Мерло-Понти, 1999, с. 33, 469], анализ мы начнем с осмысления онтологических субстанциональных метафор [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 49], характеризующих внутренние состояния митингующих. Прежде всего, к типу метафор внутреннего состояния относятся образные выражения, отсылающие к «сознанию гражданского общества», к его «пробуждению» и «размышлениям»:

«я поняла, что что-то серьезно сдвинулось в сознании людей, и что имеет смысл выходить, потому что действительно можно что-то попытаться сделать» [респондент 10];

[на вопрос «Что вы ждете от митинга?»] *«единения людей, наконец-то, и пробуждения гражданского сознания, которое в нас дремало»* [респондент 11];

«...приятно видеть людей, которые начинают размышлять вообще о политической ситуации, просыпаться, начинают задумываться, что происходит в стране, и хоть как-то выражать свою позицию». [респондент 12]

Приведенные цитаты описывают процесс перехода от пассивного состояния гражданского общества («сон», «спячка») к активному («бодрствование», «действие»). Посредством субстанционального перехода, характеризуемого метафорическими высказываниями о «пробуждении» или, более радикально, «сдвиге сознания», описывается становление коллективного тела протеста. После «пробуждения» следует «размышление», а «размышление», с другой стороны, — неотъемлемое условие «пробуждения». Принимая картезианское утверждение «Мыслю, следовательно, существую», мы обнаруживаем в момент «размышления» существование коллективного тела протеста[1].

Голос

Следующий тип субстанциональных метафор, относится к феноменам голоса и души. Он связан, в частности, с такими образными выражениями, как крик души и крик отчаяния, обозначающими критическую ситуацию и сильную эмоцию, которую эта ситуация за собой влечет.

«Мой голос украли. Остался крик души!» (надпись на плакате, Болотная площадь, 4.02.2012) [Азбука протеста, 2012, с. 43].

«Вот у нас такой крик отчаяния..,...потому что там нас не слышат, там нас никто не видит...». [респондент 13]

В первом случае сильная эмоция вызвана ситуацией «украденного голоса», искажения результатов выборов, во втором случае «крик отчаяния» возникает из-за чиновников, которые не хотят слышать и видеть активистов, выступающих против добычи никеля в Воронежской области.

Голос и крик в их изначальном значении относятся к способности человека произносить и воспринимать звуки. В нашем случае голос используется как в прямом, так и в переносном значении: он понимается как нечто неотчуждаемое, что необходимо вернуть (требование на плакате «Верните мой голос!»), и одновременно обозначает право выбора, которого избиратели были лишены вследствие фальсификаций. Крик — сигнал об опасности, выражение невозможности чего-либо, и одновременно он свидетельствует о желании изменить ситуацию. В приведенных примерах мы сталкиваемся с выражениями, артикулируемыми в нескольких перцептивных модусах: текстуальное сообщение на плакате и диалогическое высказывание в интервью. К типичным перформативным высказыва-

1 Из-за нехватки эмпирических данных мы не включили в анализ понятие «мозг», используемое, например, в лозунге «Хватит ПУдрить мозги» [Азбука протеста, 2012, с. 96].

ниям на аналогичную тему относятся фотографии митингующих (рис. 2), у которых рты или заклеены лентой, или прикрыты повязками с надписями: «мой голос украли», «нет голоса» или «у меня есть голос» и др. [Азбука протеста, 2012, с. 44]

Рис. 2. Митинг на Болотной площади. Москва, 10.12.2011.
Автор: Юрий Тимофеев[1].

Звуковые и зрительные способности коллективного тела протеста описываются митингующими как возможность представить себя, показать себя другим.

«Это хорошее движение в том плане, что люди должны видеть, что они могут выйти на улицу и что-то требовать....Мне кажется, это в первую очередь покажет, что мы не безголосые и не безголовые существа» [респондент 14];

«Это единственный способ показать, что я не за власть. Иначе меня вообще никто не слышит. Большинство не имеет возможность говорить» [респондент 15];

«Раз наш голос не учитывается в голосованиях, значит, мы голосуем просто... своими тушками» [респондент 16].

Приведенные цитаты отсылают не только к общечеловеческому навыку произносить слова и осуществлять перекрестную коммуникацию, но и к возможности представлять себя [Бикбов, 2012а], выражать

1 Фотография взята с сайта (http://www.flickr.com/photos/yuri_timofeyev/6 486 977 327).

свою позицию с помощью собственных голосов и тел («своих тушек») в отсутствии реальной возможности политического выбора. Участники протеста дистанцируются от «безголосых и безголовых существ», не обладающих гражданским самосознанием. Манифестанты утверждают свою способность говорить и думать (говорить, что думают) сравнением с участниками митингов в поддержку власти.

«Ну, жалко на них смотреть — митингующие [провластные] *стоят, отрабатывают неизвестно что, поездку в Москву, даже не деньги, и никак не выражают свою позицию.... мы-то выражаем свою позицию достаточно громко».* [респондент 17]

Телесные метафоры гражданского протеста сложно классифицировать по типам. В исследовании обнаружились, скорее, метафоры, устанавливающие множественные перекрестные отношения между различными телесными феноменами: голосами и тушками, слухом и зрением, криком и душой, сознанием и рождением. Телесные метафоры, возникающие в точках пересечения смысловых значений разного рода, следует рассматривать скорее как узлы подвижной сети, образуемые фиксированными значениями и множеством вариантов коннотаций.

Лица

Внимание фотографов, художников, журналистов к лицам митингующих, изображаемых детально и крупным планом, уже отмечалось исследователями [Гавришина, 2012]. Участники митингов нередко упоминают дружелюбные лица как нечто вызывающее у них положительные эмоции, поднимающее настроение.

«Очень приятно. Вокруг такие дружелюбные лица» ([респондент 18]);

«Я, честно говоря, пришел сначала расстроенный, потому что знал, что слилось уже протестное движение. Ну, захотел увидеть людей, захотел увидеть лица этих людей лишний раз» [респондент 12];

«Здесь собираются иногда приятные люди, лица, вернее» [респондент 19].

Судя по приведенным цитатам, категория «люди» становится синонимичной понятию «лица» и употребляется во множественном числе с апелляцией к коллективности. В высказываниях митингующих метафора лица обретает свое значение в образном выражении «плюнуть в лицо», представляющем одну из мобилизационных эмоций протеста.

[Ответ на вопрос «Что вас побудило прийти на митинг?»] *«Идешь-идешь по улице, раз — тебе плюнули в лицо.... Ну, что? Теперь дальше идти?».* [респондент 20]

Мы можем интерпретировать эту телесную метафору как оскорбление, на которое, по мнению собеседника, следует как-то реагировать.

Внимание к лицам митингующих отражено в графических репортажах Виктории Ломаско, автора серии зарисовок «Хроника протеста». Ломаско стремится изображать простых людей, представителей разных социальных слоев, участвующих в протестных акциях [Я свободно рисую.., 2012]. Художница фиксирует диалоги и реплики персонажей с помощью подписей к рисункам, пытается уловить в зрительных образах эмоции и динамику протестного движения: «Митинги меня поразили. Это интересно: как нарисовать толпу, если она еще движется? Как показать, что каждый митинг имеет свое лицо? Из кого состоит толпа, что говорят участники митингов? Как меняется настроение от митинга к митингу?» [Борщ и яйца.., 2013]. Ломаско детально прорисовывает выражения лиц, мимику и жесты людей, не только оппозиционеров, но и полицейских, провокаторов и обычных прохожих. «Хроники протеста» запечатлевают эмоции и аффективные реакции, возникающие в динамичных коммуникативных ситуациях, в том числе при взаимодействии между людьми разных политических взглядов (рис. 3).

Рис. 3. Митинг на Пушкинской площади. Москва, 5.03.2012. Автор: Виктория Ломаско.

Рассматривая метафору «лица протеста», которая пронизана эмоциональными тональностями и интенсивностями, мы попадаем в область определенных режимов видимости, производящих подвижные ассоциативные ряды, связывающие события и факты протестного движения. Лицо протеста составляют его участники, как правило (в том числе в репортажах Ломаско), рядовые митингующие, а не медийные персоны, выступающие от имени движения со сцены. В случае мас-

совых митингов понятие «лицо» употребляется как в единственном, так и множественном числе, мы можем говорить о «лице среди других лиц» или о «множественном лице протеста» [Бикбов, 2012б, с. 130].

Глаза

Увидеть лица мы можем только с открытыми глазами. В таком случае мы переходим от режима видимости к зрению как чувству восприятия.

Самой частой зрительной метафорой оказывается «раскрыть глаза», что значит «вывести кого-то из заблуждения».

«Я общаюсь на работе, беседую с людьми, раскрываю им глаза на эти темы. Люди, ну, меняются чуть-чуть. Думать начинают шире, не этим ящиком, телевизором...». [респондент 21]

Из цитаты понятно, что собеседник пытается объяснять коллегам свое видение темы выборов и гражданского участия, политической ситуации в стране. Раскрывая глаза своему окружению, он ставит своей целью изменить их представления, побудить к размышлениям. Там же фиксируется результат действий: люди думать начинают шире, их восприятие начинает выходить за рамки официальной картины мира. Метафора раскрытия глаз входит составным элементом в известный протестный лозунг «Открой глаза!», семантически отсылающий к призыву «Проснись!» (рис. 4).

Рис. 4. Шествие по Лиговскому проспекту. Санкт-Петербург, 25.02.2012. Фотография агентства «Ридус». Автор неизвестен[1].

1 Фотография с сайта агентства «Ридус» (http://www.ridus.ru/news/23 312).

К зрительным органам и чувствам телесного восприятия отсылает также метафора «блеск в глазах». В следующем примере она используется для описания опыта посещения митинга в поддержку власти.

«Я ходил и на митинги в поддержку кандидата (...), и я видел этих людей, но они у меня не вызывали никакого энтузиазма. (...) *я не горжусь этими людьми, потому что я не встретил людей с блеском в глазах».* [респондент 12].

«Блеск в глазах» ставится здесь в один ряд с «энтузиазмом» и далее в интервью — с «драйвом» и «сознательностью». Рассказчик наделяет этими качествами участников протестных акций и отказывает в них провластным митингующим, описанным как «замученные люди», пришедшие на мероприятие за «жалкую» плату.

Тема зрения и множественных глаз присутствует не только в связи с митинговой активностью, но и в рамках наблюдения за процедурой выборов. По свидетельству одного из наблюдателей: *«Три наблюдателя — это три пары глаз, а с учетом обучения и знания законов эффект от этих глаз многократно повышается»* [Разгневанные наблюдатели, 2012, с. 25]. В настоящей статье режимы видимости в гражданском наблюдении на выборах подробно не рассматриваются, но можно предположить, что эта область тоже открывает широкое поле для анализа метафор зрительного восприятия.

Телесные образы, производные от понятия глаза, связаны также со слезами. Образ слез присутствует текстуально и визуально на плакатах и в лозунгах протеста: «Москва слезам не верит!» (Пушкинская площадь, 5.03.2012), «Глицериновые слезы = фальшивый трон» (Новый Арбат, 10.03.2012), «Слезами горю не поможешь» (Новый Арбат, 10.03.2012) [Азбука протеста, 2012, с. 120–121], «Прости нас, Россия/утрем твои слезы/добьемся свободы/вернем тебе гордость» (Большая Якиманка, 12.06.2012). На митинге в Санкт-Петербурге 24 марта 2012 г. множественные слезы материализуются в плакатном изображении с анимированным неодушевленным предметом: плачущая на фоне кремлевской стены Конституция с руками, ногами, носом, ртом, бровями и глазами [Там же, с. 160].

Руки и ноги

Руки и ноги как семантические категории появляются в смысловом поле протеста в случаях, когда участники описывают коллективные акции или свою способность к активным действиям.

Во время шествия от Пушкинской площади до проспекта Сахарова 12 июня 2012 г. нам удалось побеседовать с мужчиной в буденовке со звездой и в красной футболке с прикрепленным скрепкой самодельным плакатом «Долой оккупантов!». На вопрос о приемлемых формах участия в протесте он ответил: *«Две руки, две ноги, могу все»* [респондент 22]. Такой ответ содержит в себе готовность к активным действиям, не исключая радикальных, костюмированный образ в игровой форме показывал серьезность его намерений.

Другая, сходная по смыслу, телесная метафора связана с образным выражением «все в наших руках», означающим, как правило, готовность и способность управлять своей жизнью: *«все в наших руках, и я думаю, что мы тоже можем быть активными»* [респондент 23]. В контексте митингов эта метафора приобретает значение телесной активности, а также говорит о возможности менять не только свою жизнь, но и реальность вокруг себя.

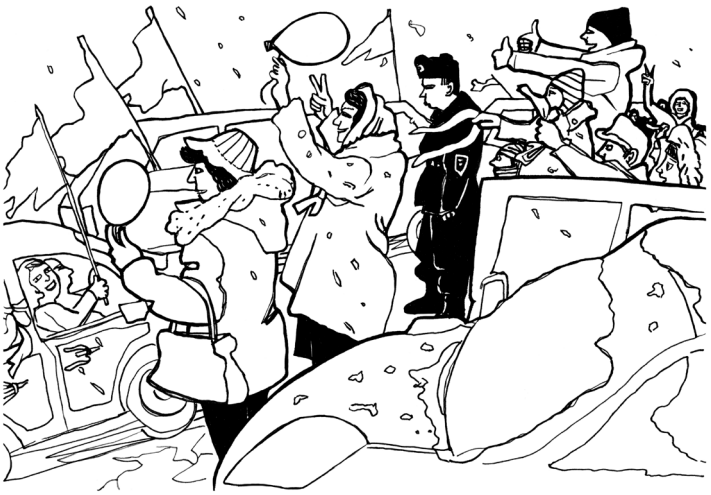

Рис. 5. Акция «Большой белый круг». Садовое кольцо, Москва, 26.02.2012. Автор: Виктория Ломаско.

Тема рук становится ключевой в символике протестного движения. Листовки зимы 2011–2012-х годов с призывами выходить печатаются на фоне поднятых рук, тогда же появляется символическое изображение раскрытой ладони с надписью «За честные выборы». Оба символа отсылают к идеалу прямого демократического голосования, всеобщего и прозрачного, которое не должно быть сфальсифицированным.

Другой телесный образ, отраженный в лозунгах, плакатах и рисунках митингующих — люди, держащиеся за руки, например: «Горизонтали наших рук — сильнее властной вертикали!!!» [Азбука протеста, 2012, с. 26]. Как целостная смысловая единица этот образ кладется в основу акции «Большой белый круг» 26 февраля 2012 г. в Москве: активисты с белыми лентами встали, взявшись за руки, по периметру Садового кольца и образовали тем самым замкнутую фигуру (рис. 5).

Впечатления участников «Большого белого круга» частично передает запись И. Варламова: *«Безусловно, это была одна из самых эффектных акций последнего времени! Это нужно было видеть, нужно было прочувствовать невероятную атмосферу единения, радости и веры в победу. Люди стояли на протяжении всего Садового кольца, в некоторых местах их было так много, что образовывалось несколько линий. А по Садовому кольцу ехали и сигналили машины. Сотни автомобилей»* [Варламов, 2012]. Судя по высказыванию, сомкнутые руки символизируют образное единство, осознание себя частью коллектива из множества индивидов, взаимодействующих друг с другом в режиме горизонтальной перекрестной кооперации.

Образы телесно-материального низа

Образы телесно-материального низа сближают протестные митинги с описанными М. Бахтиным формами карнавально-праздничной культуры [Бахтин, 2008, с. 375]. Появившийся в декабре 2011 г. лозунг «ВЖО ПУ» (или «В ЖО ПУ!») встречается в корпусе имеющихся данных 9 раз из 171, он отсутствует в диалогических ситуациях интервью и часто обнаруживается на плакатах. Обозначения телесного низа используются для выражения намерения избавиться от кого-то /чего-то (к этому же типу можно отнести плакатную надпись «ПУТИНАЗАД НЕТ» [Азбука протеста, 2012, с. 97]) или для обозначения безвыходной непоправимой ситуации. (например: «Да! Мы в жопе» [Там же, с. 103]).

Образы телесного низа используются не только на плакатах и рисунках, но и, например, в обличительном перформансе «Царь-жопа» одного из участников «Марша миллионов» 6 мая 2012 года. Семантическая связь образов телесного низа с образами власти типична для карнавальной смеховой культуры[1]. В перевернутом мире гротеск-

1 По М. Бахтину, «направление в низ присуще... всем формам народно-праздничного веселья.... В низ, наизнанку, наоборот, шиворот-навыворот — таково движение, проникающее все эти формы. Все они сбрасывают в низ, переворачивают, ставят на голову, переносят верх на место низа, зад на место

ных телесных образов царь превращается в шута, а шут — в царя: «В шуте все атрибуты царя перевернуты, переставлены с верху в низ; шут — это король мира наизнанку (monde a l'envers)» [Бахтин 2008, с. 377–378]. Неразумные действия царя, превращенного в шута, в гротескном представлении вызывают в карнавально-праздничной культуре всеобщий смех и веселье.

Выводы

Мы ввели метафорическое понятие «коллективное тело протеста», хорошо согласующееся с концептуальной метафорой Ж. Делёза и Ф. Гваттари «Тело без Органов» [Делёз, Гваттари, 2010, с. 268]. Тело протеста представляет собой не только пространственно-временное объединение индивидуальных тел и сознаний в некое множество, но и множество интенсивностей и возможностей, наделяющих массовое движение потенцией к коллективному действию. Рассмотрев ситуации и контексты образа «коллективное тело протеста», мы пришли к выводу, что оно используется для формирования единого образа протестного движения, его целостного представления. Конституирование множественного тела протеста оказывается возможным за счет способности его участников чувствовать и воспринимать социальную действительность определенным образом [Вирно, 2013]. Мы выявили также типичные метафоры телесности, наполняющие семантическое пространство протестного движения в России. Проведенный анализ позволил реконструировать онтологические телесные метафоры, тематически сфокусированные на сознании, голосе, лицах, глазах, руках, ногах и других смысловых элементах коллективного тела протеста как Тела без Органов. Был выяснен социальный контекст и эмпирические ситуации употребления таких высказываний, как «тело гражданского общества», «человеческие потоки», «человеческая река», «пробуждение гражданского сознания», «рождение гражданского общества», «крик души», «украденный голос», «лицо протеста», «плюнуть в лицо», «открыть глаза», «блеск в глазах», «все в наших руках» и др.

Проведенная работа позволяет сделать вывод, что телесные метафоры не только концептуализируют познание участников митингов [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 27], но и определяют их ментальные схемы, упорядочивают эмоциональные проявления, а также структурируют коллективные действия и позволяют осмыслить телесный опыт. Например, в акции «Большой белый круг» в основу коллективного действия была положена метафора «сомкнутых рук»,

переда, как в прямом пространственном, так и в метафорическом смысле» [Бахтин, 2008, с. 377].

символизирующая мир как человечество и мирное волеизъявление в массовой гражданской акции.

Мы также приходим к выводу, что составить классификацию телесных метафор по их фокусу или модусу оказывается невозможным. Более продуктивной будет реконструкция смысловых взаимосвязей между ключевыми метафорическими понятиями и внимание к их форме и риторике. Другими словами, задачей исследования телесных метафор может быть не выведение их типологии, а построение понятийной сети с выяснением смысловых отношений между ее узлами. В статье мы осветили не все образные выражения, отсылающие к телесному опыту митингующих (не изучены, в частности, метафоры, отсылающие к множественным органам тела), что будет сделано, как можно надеяться, в дальнейших исследованиях в области телесной семантики и метафорики протестного движения.

Библиография

1. *Азбука протеста/под ред. В. Ф. Лурье. М.: ОГИ, Полит. ру, 2012.*
2. *Аристотель. Поэтика. Минск: Литература, 1998.*
3. *Артемов А. Алексей Навальный: Мы не хотим «оранжевой революции», но Путин должен уйти // Аргументы и факты. 26 января 2012 г. (http://www.aif.ru/politics/world/30655).*
4. *Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.*
5. *Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2008.*
6. *Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5. М.: Русские словари, 1997.*
7. *Бёдекер Х. Э. Отражение исторической семантики в исторической культурологи // История понятий, история дискурса, история метафор/под ред. Х. Э. Бёдекера. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 5–17.*
8. *Бикбов А. Т. (а) Представительство и самоуполномочивание (по материалам исследования НИИ митингов, декабрь 2011—июнь 2012)//Логос. 2012. № 4. С. 189–229.*
9. *Бикбов А. Т. (б) Методология исследования «внезапного» уличного активизма (российские митинги и уличные лагеря, декабрь 2011—июнь 2012)// Laboratorium. 2012. № 2. С. 130–163.*
10. *Ваньке А. В., Ксенофонтова И. В., Тартаковская И. Н. Интернет-коммуникации как средство и условие политической мобилизации в России на примере движения «За честные выборы» // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2014. № 7. (в печати)*
11. *Варламов И. А. Большой белый круг. 26 февраля 2012 г. (http://zyalt.livejournal.com/527002.html)*
12. *Вирно П. Грамматика множественности: к анализу форм современной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013.*
13. *Гавришина О. В. Антропология протестующего субъекта // Выступление в рамках дискуссии «История протеста: формы, контексты, образы»/стенограмма III семинара». 5 апреля 2012 г. (http://www.urokiistorii.ru/memory/conf/3370)*

14. *Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.*
15. *Зайцева Н. Борщ и яйца как политические жесты // Интервью Н. Зайцевой с Викторией Ломаско // Русский репортер. № 11. 29 марта 2013 г. (http://rusrep.ru/article/2013/03/20/hudozhnicy/).*
16. *Епиходов О. Онлайн-суббота. Москва. Итоги/выводы // Полит. ру. 10 декабря 2011 г. (http://polit.ru/article/2011/12/10/oe101211/)*
17. *Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Изд-во УРСС, 2004.*
18. *Магун А. В., Журавлев О. М. Новый популизм: как протестному движению выжить в 2013 г. и добиться успеха в 2014-м // Slon. 27 декабря 2012 г. (http://slon.ru/russia/protestnomu_dvizheniyu_ne_khvataet_populizma-869 844.xhtml).*
19. *Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювент, Наука, 1999.*
20. *На митинг — как на праздник // Радио Свобода. 22 февраля 2012 г. (http://www.svoboda.org/content/article/24 492 634.html)*
21. *Остин Дж. Перформативные высказывания // Три способа пролить чернила: Философские работы. СПб.: Алетейя, 2006. С. 262–281.*
22. *Пензин А. А. De corpore. От наблюдателей — к активистам. 10 декабря 2011 г. (https://www.facebook.com/notes/alexei-penzin/de-corpore-)*
23. *Разгневанные наблюдатели. Фальсификации парламентских выборов глазами очевидцев/под ред. И. Берлянд, М. Ступаковой. М.: Новое литературное обозрение, 2012.*
24. *Саркисян О. Письма проходимца. Письмо#2: Художник и революция. Хроники декабря. 16 декабря 2011 г. (http://www.artinfo.ru/ru/news/main/Letters-2.htm).*
25. *Титков А. С. Самоорганизация протестной «человеческой реки» // Выступление в рамках дискуссии «Культура протеста: пространство/стенограмма II семинара». 27 февраля 2012 г. (http://www.urokiistorii.ru/memory/conf/3123)*
26. *Цилл Р. «Субструктуры мышления». Границы и перспективы истории метафор по Хансу Блюменбергу // История понятий, история дискурса, история метафор/под ред. Х. Э. Бёдекера. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 155–188.*
27. *«Я свободно рисую там, куда не пускают журналистов» // Интервью Е. Гладина с Викторией Ломаско // Московские новости. 15 мая 2012 г. (http://www.mn.ru/society/20 120 515/318 086 263.html)*
28. *Gumpel L. Meaning and Metaphor: The World in Verbal Transition // Translating Literatures, Translating Cultures: New Vistas and Approaches in Literary Study/K. Mueller-Vollmer, M. Irmscher (eds). Stanford: Stanford University Press, 1998. P. 47–80.*
29. *Jordan T. Collective Bodies: Raving and the Politics of Gilles Deleuze and Felix Guattari // Body & Society. 1995. No. 1. P. 125–144.*
30. *Koselleck R. Futures Past: on the Semantics of Historical Time. N. Y.: Columbia University Press, 2004.*
31. *Lakoff G., Johnson M. Conceptual Metaphors in Everyday Language // The Journal of Philosophy. 1980. Vol. 77. No. 8. P. 453–486.*
32. *Manning E. Always More than One: The Collectivity of a Life // Body & Society. 2010. No. 16. P. 117–127.*
33. *Seyfert R. Beyond Personal Feelings and Collective Emotions: Toward a Theory of Social Affect // Theory Culture Society. 2012. No. 29. P. 27–46.*

References

1. *Aristotel' (1998) Poetika. Minsk: Literatura.*
2. *Artemov A. (2012) Aleksey Naval'nyy: My ne khotim «oranzhevoy revolyutsii», no Putin dolzhen uyti. Argumenty i fakty. 26 yanvarya. (http://www.aif.ru/politics/world/30 655).*
3. *Arutyunova N. D. (1990) Metafora i diskurs. Teoriya metafory. M.: Progress. S. 5–32.*
4. *Azbuka protesta (2012). Ed. by V. F. Lur'e. M.: OGI, Polit.ru.*
5. *Bakhtin M. M. (1997) Sobranie sochineniy. T. 5. M.: Russkie slovari.*
6. *Bakhtin M. M. (2008) Sobranie sochineniy: v 4 t. T. 1. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur.*
7. *Bedeker Kh. E. (2010) Otrazhenie istoricheskoy semantiki v istoricheskoy kul'turologi. Istoriya ponyatiy, istoriya diskursa, istoriya metaphor. Pod red. Kh. E. Bedekera. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. S. 5–17.*
8. *Bikbov A. T. (2012a) Predstavitel'stvo i samoupolnomochivanie (po materialam issledovaniya NII mitingov, dekabr' 2011—iyun' 2012). Logos. № 4. S. 189–229.*
9. *Bikbov A. T. (2012b) Metodologiya issledovaniya «vnezapnogo» ulichnogo aktivizma (rossiyskie mitingi i ulichnye lagerya, dekabr' 2011—iyun' 2012). Laboratorium. № 2. S. 130–163.*
10. *Delez Zh., Gvattari F. (2010) Tysyacha plato. Kapitalizm i shizofreniya. Ekaterinburg: U-Faktoriya; M.: Astrel'.*
11. *Epikhodov O. (2011) Onlayn-subbota. Moskva. Itogi/vyvody. Polit.ru. 10 dekabrya. (http://polit.ru/article/2011/12/10/oe101 211/)*
12. *Gavrishina O. V. (2012) Antropologiya protestuyushchego sub» ekta. Vystuplenie v ramkakh diskussii «Istoriya protesta: formy, konteksty, obrazy». Stenogramma III seminara». 5 aprelya 2012 g. (http://www.urokiistorii.ru/memory/conf/3370)*
13. *Gumpel L. (1998) Meaning and Metaphor: The World in Verbal Transition. Translating Literatures, Translating Cultures: New Vistas and Approaches in Literary Study. K. Mueller-Vollmer, M. Irmscher (eds). Stanford: Stanford University Press. P. 47–80.*
14. *Jordan T. (1995) Collective Bodies: Raving and the Politics of Gilles Deleuze and Felix Guattari. Body & Society. No. 1. P. 125–144.*
15. *Koselleck R. (2004) Futures Past: on the Semantics of Historical Time. N. Y.: Columbia University Press.*
16. *Lakoff Dzh., Dzhonson M. (2004) Metafory, kotorymi my zhivem. M.: Izd-vo URSS.*
17. *Lakoff G., Johnson M. (1980) Conceptual Metaphors in Everyday Language. The Journal of Philosophy. Vol. 77. No. 8. P. 453–486.*
18. *Magun A. V., Zhuravlev O. M. (2012) Novyy populizm: kak protestnomu dvizheniyu vyzhit' v 2013 g. i dobit'sya uspekha v 2014-m. Slon. 27 dekabrya. (http://slon.ru/russia/protestnomu_dvizheniyu_ne_khvataet_populizma-869 844.xhtml).*
19. *Manning E. (2010) Always More than One: The Collectivity of a Life. Body & Society. No. 16. P. 117–127.*
20. *Merlo-Ponti M. (1999) Fenomenologiya vospriyatiya. SPb.: Yuvent, Nauka.*
21. *Na miting—kak na prazdnik (2012). Radio Svoboda. 22 fevralya. (http://www.svoboda.org/content/article/24 492 634.html)*
22. *Ostin Dzh. (2006) Performativnye vyskazyvaniya. Tri sposoba prolit' chernila: Filosofskie raboty. SPb.: Aleteyya. S. 262–281.*
23. *Penzin A. A. (2011) De corpore. Ot nablyudateley — k aktivistam. 10 dekabrya. (https://www.facebook.com/notes/alexei-penzin/de-corpore-)*

24. *Razgnevannye nablyudateli. Fal'sifikatsii parlamentskikh vyborov glazami ochevidtsev (2012) Pod red. I. Berlyand, M. Stupakovoy. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.*
25. *Sarkisyan O. (2011) Pis'ma prokhodimtsa. Pis'mo#2: Khudozhnik i revolyutsiya. Khroniki dekabrya. 16 dekabrya. (http://www.artinfo.ru/ru/news/main/Letters-2.htm).*
26. *Titkov A. S. (2012) Samoorganizatsiya protestnoy «chelovecheskoy reki». Vystuplenie v ramkakh diskussii «Kul'tura protesta: prostranstvo. Stenogramma II seminara». 27 fevralya. (http://www.urokiistorii.ru/memory/conf/3123)*
27. *Tsill R. (2010) «Substruktury myshleniya». Granitsy i perspektivy istorii metafor po Khansu Blyumenbergu. Istoriya ponyatiy, istoriya diskursa, istoriya metaphor. Pod red. Kh. E. Bedekera. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. S. 155–188.*
28. *Van'ke A. V., Ksenofontova I. V., Tartakovskaya I. N. (2014) Internet-kommunikatsii kak sredstvo i uslovie politicheskoy mobilizatsii v Rossii na primere dvizheniya «Za chestnye vybory». Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya. № 7. (v pechati)*
29. *Varlamov I. A. (2012) Bol'shoy belyy krug. 26 fevralya 2012 g. (http://zyalt.livejournal.com/527 002.html)*
30. *Virno P. (2013) Grammatika mnozhestvennosti: k analizu form sovremennoy zhizni. M.: Ad Marginem Press.*
31. *Zaytseva N. (2013) Borshch i yaytsa kak politicheskie zhesty. Interv'yu N. Zaytsevoy s Viktoriey Lomasko. Russkiy reporter. № 11. 29 marta. (http://rusrep.ru/article/2013/03/20/hudozhnicy/).*
32. *«Ya svobodno risuyu tam, kuda ne puskayut zhurnalistov». Interv'yu E. Gladina s Viktoriey Lomasko. (2012) Moskovskie novosti. 15 maya. (http://www.mn.ru/society/20 120 515/318 086 263.html)*

Респонденты

1. Мужчина, 35 лет, технолог из Тульской области. Интервью взято в Москве (ул. Большая Якиманка) 4.02.2012.
2. Мужчина, 24 года, социолог, аспирант. Интервью взято в Москве (ул. Большая Якиманка) 4.02.2012
3. Женщина, около 50 лет, химик, научный работник. Интервью взято в Москве (Болотная площадь) 4.02.2012.
4. Мужчина, 22 года, социальный антрополог, аспирант. Интервью взято в Москве (Болотная площадь) 4.02.2012.
5. Женщина, 25–30 лет, работница авиационной промышленности. Интервью взято в Москве (проспект Сахарова) 24.12.2011.
6. Мужчина, около 40 лет, офисный служащий. Интервью взято в Москве (проспект Сахарова) 24.12.2011
7. Мужчина, около 30 лет, журналист. Интервью взято в Москве (проспект Сахарова) 24.12.2011.
8. Мужчина, 65 лет, научный работник. Интервью взято в Москве (ул. Большая Якиманка) 4.02.2012.
9. Женщина, 58 лет, руководитель самарской общественной организации. Интервью взято в Москве (Болотная площадь) 6.05.2012.
10. Женщина, около 50 лет, бухгалтер. Интервью взято в Москве (проспект Сахарова) 24.12.2011.
11. Женщина, 23 года, переводчик. Интервью взято в Москве (ул. Большая Якиманка) 4.02.2012.
12. Мужчина, 41 год, фрилансер. Интервью взято в Москве (ул. Большая Якиманка) 6.05.2012.
13. Мужчина, 28 лет, бизнесмен из Воронежской области. Интервью взято в Москве (Болотная площадь) 6.05.2012.
14. Женщина, около 30 лет, профессия неизвестна. Интервью взято в Москве (проспект Сахарова) 24.12.2011.
15. Мужчина, около 40 лет, безработный. Интервью взято в Москве (Болотная площадь) 4.02.2012.
16. Мужчина, 60 лет, офтальмолог. Интервью взято в Москве (Пушкинская площадь) 5.03.2012.
17. Мужчина, 42 года, редактор. Интервью взято в Москве (Пушкинская площадь) 5.03.2012.
18. Женщина, 38 лет, журналист из Тульской области, Интервью взято в Москве (ул. Большая Якиманка) 4.02.2012.
19. Женщина, 30 лет, дизайнер. Интервью взято в Москве (проспект Сахарова) 12.06.2012.
20. Мужчина, 24 года, рекламный стратег. Интервью взято в Москве (ул. Новый Арбат) 10.03.2012.

21. Мужчина, 38 лет, работник газовой промышленности. Интервью взято в Москве (проспект Сахарова) 24.12.2011.
22. Мужчина, около 30–35 лет, инженер. Интервью взято в Москве (Рождественский бульвар — проспект Сахарова) 12.06.2012.
23. Мужчина, около 25 лет, химик, аспирант. Интервью взято в Париже (площадь Игоря Стравинского) 24.12.2011.